

Лишь в последнюю неделю двора даймё — предпоследнюю неделю, когда они вообще были в столице — чинмоку было разрешено самостоятельно передвигаться по городу.

«Только группой, заметьте», — добавил Сэнсэй. Он взглянул на каждого из них по очереди, явно все еще не доверяя их способности позаботиться о себе и желая быть уверенным в том, что они будут вести себя хорошо. «Это место все еще совершенно чуждо тому, как работает Коноха, и было бы прискорбно, если бы вы оказались в ловушке каких-либо непреднамеренных ошибок, не имея возможности выбраться».

Предупреждение было немного пугающим, но не сдерживающим фактором; к тому времени, когда разрешение было получено, не только Сакура, но и Джуро и Шин чувствовали себя более чем в клетке.

И все же это был здравый совет: этот город работал не так, как их собственный, и к нему не следует относиться как к аналогу.

Именно Шин предложил, а остальные согласились, чтобы они оставались в более туристических местах — там уже происходила культурная мешанина, поэтому можно было мало беспокоиться о том, что они (туземцы Огня, в отличие от многих) ухудшат ее.

Они начали с Мейн-стрит, а затем перешли на несколько других. Им была в некоторой степени отстранена от деятельности, потому что обычно они могли исследовать только по вечерам: утром они готовились к сессии и присутствовали на ней, а после обеда - завершали судебные заседания, встречались с тем или иным дворянином и информировали о дневных мероприятиях. Тем не менее, они всегда находили то или иное развлечение для развлечения: они провели час в магазине тканей, собирая подарки для разных близких и поражаясь их разнообразию. Еще час или около того был потрачен на повторное посещение одного из первых дворян, с которыми их познакомили; убежденный сторонник использования чакры в целом, человек (или, точнее,

Несколько часов, растянутых на несколько дней, были отданы уличным артистам. Днем их было очень мало, они были разбросаны по некоторым площадям коммерческого района, но ночью они, казалось, заполнили каждый угол улицы, особенно в немного более захудалой, нижней части района. Хотя некоторые из исполнителей... таланты на самом деле не были предназначены для такой молодой аудитории, как чинмоку, в остальном они нашли более чем достаточно развлечений; среди акробатов, танцоров, музыкантов — были даже уличные художники, которые за что-нибудь слепили невероятно точные (или смешные) портреты. (Каждый из Чинмоку получил свой собственный, и в один особенно удачный день ему даже удалось убедить сэнсэя Митокадо присоединиться к ним на командном портрете.)

С течением времени трое гениев становились все более и более смелыми, исследуя все дальше и дальше. Конечно, они всегда были осторожны, было бы глупо не сделать этого, но... ну, ничто не казалось более опасным, чем бродить по Конохе.

Там было меньше деревьев и больше забвения, не было канализации за пределами самых богатых частей города, а городская территория в целом была в несколько раз больше, чем когда-либо могла бы быть Коноха.

Сэнсэй Митокадо не походил на человека, который взял на себя столько ненужного риска, каким бы маловероятным ни был этот риск, поэтому его опасения казались все более преувеличенными и все менее важными.

В какой-то момент Джуро узнал, где находится университет, и это положило начало их

последним несколькими дням в столице; достаточно безопасно для Сенсея и достаточно интересно для остальных.

«Однако в Ирёниндзюцу есть риски», — профессор? Помощник преподавателя? Сказано в ответ на то, что объяснил Джуро.

Джуро кивнул. «Я признаю это, но это справедливо практически для любой медицинской практики — вы же не собираетесь прекращать использовать эфир, не так ли?»

Вопрос об использовании чакры в медицине вызвал на удивление горячие споры, по крайней мере, за пределами Конохи. Внутри Конохи более половины врачей были настоящими ниндзя, либо вышедшими на пенсию, либо все еще находящимися на службе, а Сакура даже не слышала шепота гражданских лиц (которые были более склонны опасаться любого типа использования чакры, чем тех, для кого это было характерно) беспокоиться о том, что его лечат с помощью ириониндзюцу. Здесь, в столице, не только к общей способности использовать чакру относились с осторожностью, как будто война была единственным возможным применением, но сама идея обращения с ней, казалось, ощущалась как аналогия с тем, как самому впустить синигами в свой дом.

Джуро, несмотря на то, что он сдерживал эту разницу в восприятии, был явно встревожен.

Сакура подумала, что, возможно, оскорблять профессоров — не лучший вариант, поэтому почесала ухо, показывая Джуро и Шину знак «прервать».

"Который сейчас час?" — спросил Шин, поворачиваясь и глядя в окно. Профессор(?) посмотрел на свое запястье, где сидели часы — недавно изобретенные, но уже безумно растущие в популярности — привязанные к его руке кожаным ремешком.

— Примерно без четверти восемь, — сказал он, теребя одну из ручек.

— О, мы должны вернуться к восьми, — сказала Сакура фальшивым шепотом. Это была неправда, но, судя по оправданиям, это было вполне правдоподобно.

Джуро, получив сообщение, вежливо попрощался, и все трое вышли из здания и направились обратно на улицы города.

Вокруг самого университета располагалось несколько кварталов студенческих общежитий, баров и дешевых квартир. Сакура могла бы предположить, что примерно каждое десятое здание во всем районе заброшено, а граффити — самые дешевые, некоторые довольно красивые, другие — менее красивые — простираются почти на каждом дюйме этих неконтролируемых поверхностей. Тем не менее, в этом месте в целом кипела жизнь: студенты ходили на занятия или с занятий, другие взрослые добирались до работы таким же образом; ничто из этого не вызывало особого ощущения опасности — Сакура догадалась, что, учитывая случайных карманников, которые часто посещали более ухоженные площади, это место было даже безопаснее, чем районы, обычно густо населенные туристами изнутри и за пределами Страны Огня. границы. Они раньше бродили по этому району — Джуро нашел замечательную пекарню,

Однако, когда они возвращались из университета, волосы на шее Сакуры начали вставать дыбом. Она взглянула на своих товарищей по команде, которые, казалось, ничего не заметили, а затем оглянулась — казалось, все в порядке.

И все еще...

Они свернули за угол и вышли на более оживленную центральную улицу, которая в конечном итоге приведет к центру города.

Глаза Сакуры метались по сторонам, наблюдая.

К этому моменту мальчики были насторожены ее странным поведением и немного приспособились, держась наготове к невидимой опасности.

Но ничто не казалось неправильным, ничего отличающимся от того, что было все время, когда они шли по этой дороге раньше.

Наверное, это были ее нервы, и Сэнсэй постоянно предупреждал их о скрытой опасности. Очевидно, она стала немного параноиком.

И все же что-то было не так.

Она включила свое чувство чакры, но и здесь все было в порядке — у чинмоку были самые сильные сигнатуры чакры в этом районе.

Они прошли еще несколько шагов и наткнулись на толпу возле бара.

Это не было чем-то необычным, но Сакура давала им больше свободы действий, чем в прошлую ночь — пьяных людей было труднее предугадать, поэтому, возможно, именно поэтому она чувствовала себя некомфортно.

Они прошли мимо бара.

Следующая толпа была через три улицы, перед маленьким книжным магазином.

Эта толпа тоже не отличалась особой примечательностью; они были там каждый раз, когда Сакура проходила мимо этого места, и обычно тот или иной юноша стоял на куче коробок и проповедовал о необходимости реформ, перемен.

(В последний раз, когда они приходили сюда, накануне утром, в пекарню, проповедь была о несправедливой стоимости образования. Сакура не могла сказать, что имеет к этому отношение, поскольку Академия официально была бесплатной, имела мало сопутствующих расходов и была платной. кроме того, ее кланом, но явно была и толпа.)

Сегодняшний разговор, к сожалению, был о ниндзя.

«...время перемен! Время новой эры, эпохи мира!»

Толпа взревела от одобрения.

«Шиноби слишком долго навязывали нам войны! Пришло время нам подойти и сказать: хватит! Хватит! Никто больше не должен умирать из-за вашей бесполезной демонстрации силы!»

Еще один рев одобрения, и теперь Сакура напряглась.

Это было нехорошо.

Она подумывала снять повязку — была большая вероятность, что никто этого еще не заметил, — но предпочла не делать этого. Движение, скорее всего, привлечет внимание оратора, хотя бы потому, что те же самые глаза бегали сейчас повсюду в поисках поддержки и диссидентов.

Остальные Чинмоку приняли такое же решение.

Юноша снова заговорил. «Я вырос недалеко от Грасса! Я видел боль войны, которую они уже навязали нам! Эти шиноби посещают наши города, наши земли и говорят, что делают нам одолжение, а мы просим никаких обещаний больше войны, больше никаких смертей и разрушений.

И что они делают взамен? Они смеются!"

Толпа это не одобрила.

«Они смеются, как будто эта идея абсурдна, но я знаю лучше! Мы знаем лучше! До того, как шиноби собрались в своих так называемых Скрытых Деревнях, не было массовых войн! Дайте защитили свои земли несколько десятилетий назад, они не видели Причина, по которой тысячи умирают, меняя их! Но для шиноби это было слишком мирно — нет, им нужна была смерть, чтобы зарабатывать на жизнь. Так что же они сделали? Они собрались вместе и замыслили заговор за нашей спиной, а затем убили наших соотечественников, при этом делая вид, что у них нет выбора!»

Это было... ну, это было даже отдаленно не точно. Сакура была полностью готова поверить, что история, которой ее учили, была полностью перекошена в пользу шиноби и Листа в частности, но Период Воюющих Государств назывался так не просто так, и реальность того времени была очевидна, если говорить любому, кто пережил это, ниндзя, самураю или гражданскому лицу. А говорить о том, что даймё перестали воевать на протяжении десятилетий, — этот человек либо не проводил абсолютно никаких исследований, никогда на самом деле не посещал ни одного города на границе с какой-либо страной, либо он заблуждался.

«Нет больше шиноби!» Он начал петь. Толпа с нетерпением последовала за ним.

«Нет больше шиноби!»

«Нет больше шиноби!»

Сакура, Шин и Джуро ускорили темп и, наконец, смогли показать толпе только затылки, когда раздался звонок.

«Я вижу шиноби!»

Они не обернулись, но было уже слишком поздно. Некоторые из толпы — судя по всему, более воинственные — отделились по энергичному приказу оратора и теперь на удивление быстро окружали чинмоку.

Мысли Сакуры метались. Предполагалось, что использования чакры в городе следует избегать во всех случаях, кроме самых тяжелых обстоятельств, а ранить мирного жителя — не меньше гражданского жителя Огня — вообще нельзя было делать, но у них заканчивались другие варианты.

Они были намного меньше тех, кто приближался к ним (в основном мужчины, проанализировал ее мозг; молодые, злые и раздутые толпой), и хотя они были сильнее, это не было преимуществом, которым им разрешалось воспользоваться. Сакура подумывала позвать на помощь, но полиция плохо контролировала этот район — в основном он был предоставлен сам себе — так что услышать их было особо некому.

Это было нехорошо.

Это действительно было нехорошо.

Не было никаких... это не было... она не могла...

Кто-то впереди — мужчина лет двадцати с небольшим, как проанализировал ее мозг, достаточно мускулистый, очень злой — поднял кулак и...

Перед ними появился сэнсэй Митокадо, и из него вырвался резкий шок жажды убийства.

В одно мгновение тон изменился

Столкнувшись с этим, столкнувшись с более крупным противником, толпа заколебалась. Те, кто был сзади, обернулись быстрее всех, а затем, почувствовав, что их опора лопнула, остальные, казалось, осознали возможные последствия своих действий.

Сакура, затаив дыхание, смотрела, как улица очищается.

Сэнсэй Митокадо обернулся.

Его лицо, как обычно, было ничего не выражающим, но Сакура тренировалась у него уже несколько месяцев — она знала... ну, она знала, что он что-то чувствует. (Он был сложным человеком, ясно? И она была в двух секундах от того, чтобы быть избитой до чертиков две минуты назад, так что... и что, если она не могла сказать, о чем он думает?)

— Давай... — вздохнул Сэнсэй. — Давай отнесём тебя обратно в наши комнаты.

Шин вздрогнул. Сакура кивнула.

Ей не терпелось вернуться в Коноху.

.

На следующий день чинмоку взял перерыв в записях, финансах и интригах и вместо этого выстроился у стены прямо в своих комнатах, нервно передвигаясь взад и вперед.

— То, что ты только что видел... — начал Сэнсэй. Он посмотрел на них, затем нахмурился и потер лоб, позволяя своему спокойствию разрушиться. «Я думаю, то, что ты только что видел, более распространено, и тогда ты понимаешь».

«Я знал, — сказал Джуро, — что у шиноби не было полной поддержки среди всех; у них даже ее нет в Конохе. Но... они собирались напасть на нас. Типа, на самом деле напасть на нас».

"Да они были."

Никто не говорил.

«Синоби сильны», — наконец сказал Сэнсэй. «Очень, очень мощно. Одним движением запястья мы можем убить; некоторым из нас даже не нужно делать так много. То, что мы способны на это, и не только это, мы тренируемся всю свою жизнь, чтобы делать это. так что это тревожит».

По крайней мере, Сакура могла с этим согласиться... хотя, учитывая реакцию Шина и Джуро, она задавалась вопросом, было ли это конкретное восприятие более созданным Арденом, чем

она думала.

«Мы можем сказать им честно и правдиво, что мы необходимы — что если бы нас здесь не было, то сюда пришли бы шиноби из других стран и убили бы многих. Конечно, для большинства гражданских лиц нет большой разницы между ними и нас, и проблема в том, что мы вообще сражаемся — если бы во всех землях была только одна группа шиноби, тогда все проблемы были бы решены».

Шин фыркнул. Сакура тоже согласилась с его мнением.

«Да, ну, из-за этого каждая Скрытая Деревня делает все возможное, чтобы отстаивать свое доминирование; пропаганда, конечно, занимает большую часть этого, но есть также причина, по которой у нас репутация лесолюбивых людей: эта репутация это то, что дает нам наименьшее количество восстаний среди всех великих наций.

Наименьшее.

Не никакой».

— Но... — сказал Шин, прежде чем замолчать.

«Они делают все возможное, чтобы защитить свои интересы, учитывая, какой информацией они располагают», — сказал Сэнсэй.

И это было все.

Делегация вскоре уехала: шесть вагонов подряд.

До этого, конечно, была вечеринка и много заявлений о верности и счастье. Но к тому времени, когда судебное заседание того сезона завершилось, все были в порядке и по-настоящему закончили, поэтому все больше и больше полагались на механизацию, чем на что-либо еще.

И тогда все было кончено.

И вот они были в пути.

И вот они были дома.

Сакура рухнула на кровать, взволнованная тем, что наконец-то покончила с позицией, о которой она даже никогда не мечтала, и у нее появилась последняя мысль:

Все это время я изучал лошадей, лодки и необычные способы передвижения.

И она ничем из этого не воспользовалась.

<http://tl.rulate.ru/book/96215/3305523>